

СЕМАНТИКА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Черняк Алексей Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент. Российский Университет Дружбы Народов. Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: abishot2100@yandex.ru

Стандартная семантика собственных имен приписывает им функцию указания на единичные вещи. Понять значение собственного имени с этой точки зрения, значит – понять, что оно обозначает в конкретном (в идеале, каждом) контексте его стандартного референциального использования. Но однозначная идентификация объекта указания посредством стандартного использования собственного имени выглядит практически нерешаемой задачей. Смыслы, ассоциируемые с обычными использованиями таких имен, не позволяют приписывать им единственные денотаты в соответствующих контекстах; сами же контексты либо не содержат подходящих сущностей, либо содержат больше одной такой сущности и, таким образом, являются референциально неоднозначными. Существует убеждение, что основная проблема стандартной семантики собственных имен состоит в том, что они приписывают этому классу выражений неправильные денотаты, что их денотатами являются не единичные сущности, а множества например. В статье я стараюсь показать, что выбор альтернативной семантики не решает главную проблему семантики собственных имен, а именно проблему их референциальной неоднозначности. Один аспект этой проблемы связан с недоступностью однозначного понимания таких имен, а другой – с отсутствием адекватного объяснения феномена их закрепления за конкретными единичными объектами.

Ключевые слова: язык, коммуникация, значение, семантика, референция, денотат, собственное имя, единичный термин, контекст, дескрипция, понимание, смысл

SEMANTICS OF PROPER NAMES AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

Alexey Chernyakh – PhD in Philosophy, assistant professor. People's Friendship University of Russia. 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: abishot2100@yandex.ru

Standard semantics of proper names assigns them the function of reference to individual things. This presupposes that to understand the meaning of a proper name is to understand what it denotes in the context of its referential use. But unambiguous identification of the referent of a proper name in its normal (referential) use looks like an unsolvable problem. Senses associated with referential uses of such names don't allow ascribing them singular referents in their contexts; and what concerns contexts themselves, they either don't contain proper referents at all or contain more than one, thus being referentially ambiguous. Some philosophers of language believe that the main problem for the standard semantics of proper names is that they assign them referents of wrong kind: that these, for instance, should be rather abstract entities, i.e. sets, than individual things. In this paper I try to argue that the choice of an alternative semantics for proper names does not solve the main problem with their meanings, i.e. that of their referential ambiguity. On the one hand even in the most transparent contexts there is always available an alternative referent to be assigned to the proper name's use

along with some standard or default one; the fact that we prefer some standard interpretation (when we actually do) over alternative ones reflects at best that certain semantic theories contribute more substantially to ordinary communication in comparison with others. This does not yet imply that they better explain meanings of proper names. On the other hand there is also no good explanation of a phenomenon of reference to a particular thing as such: we still don't understand how a name may become referring to one and the same particular thing in many different situations for many different agents of its use etc., and how the thing may literally become a bearer of a name.

Keywords: language, communication, meaning, semantics, reference, denotation, proper name, singular term, context, description, interpretation, sense

1.

Семантика изучает значения языковых выражений. Один из классов выражений, семантика которых особенно активно обсуждалась философами последнее столетие, – собственные имена, т. е. выражения, с помощью которых мы говорим о конкретных объектах, индивидах, местах, событиях и т. п. Существует традиция, восходящая к Дж.С. Миллю, отождествлять значения собственных имен с их денотатами: с его точки зрения, они только обозначают индивидуальные объекты, которые называют, не указывая ни на какие свойства как принадлежащие этим объектам и не имплицитно их, – не имеют коннотаций [Mill, 1867, p. 20]. В этом случае семантическим вкладом собственного имени в понимание его высказывания является только сам называемый этим именем объект.

Г. Фреге предложил другую концепцию значений собственных имен, согласно которой у них, как и у других выражений, есть не только денотаты, но и смыслы, соответствующие описаниям тех черт, которые позволяют идентифицировать объекты, которые они называют [Фреге, 1997, с. 27]. Есть имена, у которых нет явного носителя: например, считается, что «Пегас» ничего не обозначает. Если трактовать его в духе семантики Милля, то предложение (1) «Пегас не существует» не будет выражать никакую мысль, хотя интуитивно оно говорит, что такой вещи, как Пегас, не существует. Если имя «Пегас» имеет еще и смысл, то этот смысл может быть его вкладом в понимание (1), которое тогда будет говорить, что не существует вещи, характеризующейся свойствами, описываемыми смыслом данного имени¹.

В схеме Фреге, однако, смысл есть способ данности денотата, т. е., хотя не все осмысленные имена имеют денотаты, именно отношение обозначения (референции), связывающего имя с его денотатом, остается определяющим для этой категории выражений.

¹ У Милля тоже есть решение для такого случая: он утверждает, что все имена суть имена чего-то, реального или вымышленного [Mill, 1867, p. 27]; соответственно, «Пегас» имеет денотат, но это – воображаемая вещь. Другое известное решение состоит в том, чтобы анализировать такие имена как скрытые дескрипции; см.: [Russel, 1912, p. 54].

Концепции Милля и Фреге породили основные направления в семантическом анализе собственных имен. На мой взгляд, удовлетворительная теория, определяющая значение имени через его связь с денотатом, должна ответить на два главных вопроса: как возможно понимание денотата имени и как имя оказывается связано со своим денотатом? Ниже я рассмотрю проблемы, с которыми обе концепции сталкиваются при ответе на эти вопросы.

1.1.

Понять значение имени с точки зрения стандартной семантики имен – значит понять, что оно обозначает. Но с этой идеей понимания имени связана проблема. Обычные собственные имена, такие как «Маша» или «Аристотель», применимы к разным индивидам (и не только к людям) и могут представлять в коммуникации любого из них. Тот, кто всерьез спрашивает, кто такой Аристотель, скорее всего, использует это имя не для указания на кого-то определенного. Его интерес, скорее всего, состоит в выяснении того, какого человека называют именем «Аристотель». Но другое распространенное использование данного имени в речи, письме или мышлении выделяет, как мы полагаем, одного-единственного его носителя и только его. Понять значение имени в этом случае – значит идентифицировать объект, который оно обозначает как часть конкретного акта высказывания или мышления. Но как это сделать?

1.2.

Определенное решение вытекает из теории смыслов, понятых как ассоциированные с нормальным использованием собственных имен описания свойств, идентифицирующих денотаты этих имен². Но разные субъекты могут идентифицировать и часто идентифицируют один и тот же объект на основании разных признаков, которые к тому же часто характеризуют не объект целиком, а какую-то его часть³. И ни один такой набор черт может не быть общим знанием, ассоциируемым всеми компетентными пользователями имени с его референциальным использованием и направляющим понимание референции данного имени во всех релевантных контекстах. Наконец,

² Это понимание смысла восходит к Фреге: [Фреге, 1997, с. 27]. См. также изложение кластерной версии этой теории в: [Strawson, 1959, p. 180].

³ Так, бытие учителем Александра Македонского и бытие автором Метафизики не характеризуют Аристотеля до того, как он соответственно учил Александра и написал Метафизику; можно, в принципе, сказать, что эти свойства характеризуют определенные временные части или состояния Аристотеля.

едва ли найдется дескрипция, настолько четкая и подробная, что одна-единственная вещь будет удовлетворять ей в каждом из возможных миров, в которых она используется для идентификации денотата какого-либо имени. А даже если такие дескрипции существуют, крайне маловероятно, что знание значений собственных имен их реальными компетентными пользователями состоит в знании таких идеальных дескрипций⁴. Таким образом, сомнительно, что понимание значения имени сводится к пониманию некоего абстрактного содержания.

1.3.

Из самого восприятия выражения как собственного имени, т. е. из знания типа его значения, можно вывести определенное понимание значения его появления в конкретном высказывании в форме дескрипции. Так, обычное произнесение слова «Петя», трактуемое как использование собственного имени, легко понять как попытку указания на некоего носителя этого имени⁵. Но, во-первых, субъект мог назвать Петей Васю, и тогда такое понимание приписало бы данному появлению имени значение указания на Петю, даже если из контекста ясно, что говорящий имел в виду указать на Васю и просто оговорился. Можно выделить еще более общее металингвистическое содержание стандартного использования собственного имени: нечто или некто, названный в данном высказывании данным именем. Но в любом случае – и это во-вторых – подобные смыслы не позволяют приписать конкретным использованиям собственных имен строго определенные денотаты. Мало ли кого зовут Петей, мало ли кого говорящий мог пытаться выделить с помощью данного произнесения имени «Петя» в данном контексте. Если он назвал Васю Петей, но есть некий хорошо ему знакомый Петя, которого он обычно так зовет, почему именно его текущая коммуникативная интенция, а не его лингвистическая привычка должна определять референцию данного использования им данного имени? Соответственно, и определение понимания значения собственного имени в терминах понимания коммуникативных интенций того, кто это имя употребляет, оказывается неудовлетворительным.

⁴ Критику теории дескрипций как объяснения референций собственных имен см. в: [Kripke, 1980, p. 48–49], [Donnellan, 1972], [Putnam, 1975].

⁵ Такие металингвистические версии теории дескрипций представлены в: [Russel, 1918; Geurtz, 1997; Katz, 1990].

1.4.

Экспликация значения имени собственного через отсылку к контексту употребления последнего тоже сталкивается с серьезными проблемами. Исторически критика теории смыслов как дескрипций, отвечающих за идентификацию денотатов собственных имен, способствовала возрождению семантической теории Милля. Защитники этого подхода настаивают на том, что собственные имена (при стандартном использовании) указывают на свои денотаты непосредственно, а не благодаря пониманию их смыслов [Крипке, 1980, р. 5]. Дескрипции с этой точки зрения помогают коммуникаторам фиксировать референции собственных имен, но не определяют их. Но это фактически означает, что, даже имея идеальное описание денотата, мы не получим понимания значения референциально использованного имени, если будем понимать его как указание на объект, удовлетворяющий данному описанию. Ведь, как объясняет Крипке, какой-то другой объект мог бы удовлетворять этому описанию, а не тот, на который фактически указывает имя: эти объекты совпадают в действительности, но не необходимым образом⁶. Тогда единственный способ понять значение такого термина – выбрать для него подходящий референт из контекста. Но для этого контексты должны быть достаточно информативны, чтобы снабжать понимание нужными объектами, и в то же время – не чрезмерно информативны, чтобы не предлагать больше подходящих кандидатов на роль денотата, чем требуется. На практике это условие не выполняется.

Контекст высказывания в общем виде есть множество обстоятельств, в которых оно делается. Практически любое высказывание делается в каком-то месте и в какое-то время относительно некоторой точки отсчета (например, в определенной локации реального мира и в определенный период времени истории этого мира), делается кем-то, т. е. имеет субъект, и, как правило, к кому-то обращено – имеет адресат; также часто высказывание имени включено в высказывание предложения, а последнее в свою очередь – в последовательность высказываний, объединенных общей темой, а также обычно единством места, времени и множества коммуникаторов (дискурс). Таким образом, понятие контекста охватывает как лингвистическое, так и нелингвистическое окружение конкретного использования выражения⁷. Причем именно информация о нелингвистических обстоятельствах

⁶ Там же. Конечно, отдельный вопрос – не должен ли денотат идеальной дескрипции быть с необходимостью тождественен денотату имени, если эта дескрипция описывает его денотат? Но в любом случае сомнительно, что реальным коммуникаторам доступны идеальные дескрипции.

⁷ Подробнее об идее контекста использования выражения см.: [Kaplan, 1989, р. 495].

высказывания обычно играет решающую роль в определении значения сказанного. Если кто-то говорит: «Мой пес гений, Цезарь, разве что не говорит», – то интерпретация имени «Цезарь» как указывающего в данном контексте на пса говорящего выглядит естественной⁸. В этом прочтении «Цезарь» должно указывать на конкретную собаку. Но чтобы приписать данному появлению имени определенный денотат, необходимо обладать информацией о таких нелингвистических фактах, как есть ли у говорящего реальный пес, единственный он или нет, если нет, то какого из них зовут Цезарем и т. д. Разумеется, все это может быть известно: пес говорящего может сидеть прямо здесь у его ног и говорящий, произнося высказывание, может смотреть прямо на него. И тем не менее само появление имени в высказывании не показывает его референт, что не позволяет исключить альтернативные гипотезы. Например, у говорящего мог быть еще один пес, который недавно умер и которого тоже звали Цезарем; и, говоря о своем нынешнем псе, он, возможно, каждый раз вспоминает прежнего: поскольку для него было привычно применять имя «Цезарь» к умершему псу, не исключено, что именно эта привычка, а не текущие обстоятельства определяет референцию его нынешнего использования данного имени. И даже если это – единственный пес, который когда-либо был у данного человека, но имя «Цезарь» имеет для него некое стандартное прочтение⁹ – например, как имя римского диктатора и полководца, нельзя исключить, что именно это стандартное прочтение определяет референцию данного появления имени. Разумеется, мы не выбираем такое прочтение, потому что оно делает содержание высказывания ложным, если не абсурдным. Мы считаем, что имя указывает на то, на что говорящий хочет указать с его помощью; но делая такой вывод, мы исходим из определенной теории референции, которая предписывает коммуникативным интенциям определять референции имен. Однако мы понимаем, что выполнение действия прямо не следует из попытки его выполнить, руководимой намерением. Если я хочу указать с помощью имени «Аристотель» на конкретную муху на стекле и скажу «Аристотель, не шали», меня вряд ли поймут так, как я хочу (по крайней мере, если я не ткну в нее пальцем); если данному появлению данного имени припишут какую референцию, то скорее всего стандартную и сочтут, что я пытаюсь разговаривать с Аристотелем.

Обращение к контексту является эксплицитной составляющей некоторых семантических теорий. Например, Д. Каплан утверждает, что референции демонстративных и индексальных выражений определяются параметрами контекстов их использования [Kaplan, 1989, p. 492].

⁸ Правда, выбирая стандартную интерпретацию по умолчанию, мы привычно исходим из того, что говорящий корректно использовал слова и подчинялся в производстве высказывания определенным принципам рациональности.

⁹ Как это чаще всего бывает с историческими именами.

В других случаях использование контекстной информации подразумевается. Так, в формальной семантике¹⁰, анализирующей естественные языки средствами формальной логики, значения для каждой категории выражений задаются определениями. Если «Петя» и «Аристотель» определены как собственные имена некоего данного формализованного языка, то их значения могут быть заданы как «¹¹Петя» обозначает Петю» и «¹¹Аристотель» обозначает Аристотеля», где использование соответствующих имен справа в определениях замещает денотаты определенного вида, а именно относящиеся к соответствующему домену модели данного языка. Если денотаты для собственных имен выбираются из домена единичных вещей, к каковым относятся индивиды, то приведенные определения просто говорят, что соответствующие имена константно обозначают каждое определенное индивида. Естественно, узнать, что это за индивиды, конкретные пользователи языка могут, только познакомясь с миром, о котором они говорят на этом языке: например, кто такие конкретный Петя и конкретный Аристотель в действительности. Предполагается, что для понимания имени с так определенным значением необходимо применить эту информацию к контексту, чтобы найти в нем подходящий объект. Проблема в том, что у нас нет строго единственного Пети и даже строго единственного Аристотеля на роль носителей соответствующих имен; собственные имена естественных языков не являются логическими константами.

1.5.

Есть теории, эксплицитно включающие информацию о контексте в модель понимания референциально использованных собственных имен, например теория, трактующая референциальные появления собственных имен в коммуникации как пресуппозиции¹¹, непосредственно представляющие соответствующие составляющие контекста. В этом качестве они ведут себя как анафоры, заимствующие свои референции прямо из контекстов их использования [Van der Sand, 1992; Meier, 2009].

Обычное появление собственного имени в принципе можно трактовать как заимствующее свое значение из предшествующего разговора: «Петя», например, в таком понимании может означать ровно то же самое, что означало какое-то предшествующее появление того же слова или какого-то другого выражения в том же дискурсе.

Однако часто появление собственного имени в разговоре само вводит некий объект как то, о чем дальше будет вестись этот разговор, и в этом смысле не является анафорическим. Теория собствен-

¹⁰ Берущей начало с работ Р. Монтегю: [Montague, 1974a].

¹¹ Содержание подразумеваемое, но не высказываемое в высказывании. О понятии пресуппозиции подробнее см.: [Kaffi, 1997].

ных имен как пресуппозиций предполагает, что в этих случаях имя заимствует денотат прямо из контекста как то, что данное использование данного имени подразумевает.

Понятно, что, если девушки обсуждают, например, парня одной из них, называя его Петей, и у них есть некое общее знание о том, кто этот парень, о котором они говорят, об этой ситуации можно сказать, что в ней конкретный Петя подразумевается в разговоре и даже что он является пресуппозицией референциального использования в этом разговоре соответствующего имени наряду с некоторыми другими терминами. Но для этого соответствующее общее знание должно представлять всем коммуникаторам строго единственный объект понимания. Или, альтернативно, их способы использования данного имени, конкретной реализацией которых явились его появления в данном дискурсе, должны быть генетически жестко связаны с одним-единственным объектом.

На деле знания коммуникаторов о Пете могут представлять его по-разному, базироваться на разных типах и разной степени знакомства с ним (вплоть до полного его отсутствия). А их использования его имени так же точно могут восходить к разным историческим ситуациям, в которых Петя был представлен разными своими чертами; соответственно, эти использования имени могут трактоваться как выделяющие не Петю как полноценного индивида, а лишь те его проявления или части, которые генетически обусловили эти использования данного имени.

Во многих случаях информации о контексте недостаточно для идентификации денотата. Представления участников разговора о его предмете могут быть противоречивыми. Но когда предмет выглядит достаточно четким и определенным, это также не устраняет проблему, так как практически любой контекст, в котором имеется подходящий (и наиболее предпочтительный) на роль денотата конкретное имени объект, поддерживает приписывание этому имени альтернативного денотата, представляющего собой определенный способ данности, комплекс черт или т. п. стандартного денотата. Восприятие такого контекста как референциально однозначного обусловлено теоретической презумпцией, предписывающей собственным именам иметь денотаты строго определенных видов.

2.

Существует убеждение, что основная проблема семантики собственных имен состоит в том, что она приписывает им неправильные денотаты. Например, А.Л. Никифоров в недавней статье [Никифоров, 2012], критикуя формальную семантику, справедливо замечает, что

она предъявляет к денотатам собственных имен требования, не выполнимые реальными вещами. Денотаты в этой теории предлагается понимать как единичные, неизменные во времени сущности, одинаковые для всех компетентных пользователей языка и идентифицируемые ими. Реальные же вещи не неизменны и не одинаковы для всех компетентных пользователей обычных имен этих вещей, по-разному ими конструируются и понимаются. Также обычные вещи, которые мы считаем именуемыми собственными именами, не единичны в строгом смысле слова, так как могут быть разложены на множества составляющих.

Никифоров делает из этого вывод, что, поскольку собственные имена объединяют множества разрозненных предметов, прикрепляясь к ним, и разные люди могут включать в эти множества разные предметы, собственные имена обозначают не единичные вещи, а абстракции, представляющие собой множества множеств объектов. Так, он считает, что имя «Петр Куслий» есть общий термин, удерживающий вместе множество более примитивных объектов, являющихся денотатами таких имен, как «Петр Куслий в момент T1», «Петр Куслий для мамы» и т. д., которые выделяют какие-то стадии или черты того, что объединяет обычное имя «Петр Куслий», и которые, в свою очередь, разложимы на еще более примитивные объекты, являющиеся денотатами имен вроде «Петр Куслий для мамы в момент T1» [Никифоров, 2012, с. 54–55]. С его точки зрения, никаких единичных терминов вообще нет, поскольку нет единичных вещей, которые они могли бы обозначать, а обычные собственные имена обозначают концепции, которые, разумеется, у разных людей могут быть разными, но обеспечивают взаимопонимание за счет того, что аккумулируют только существенные свойства соответствующих предметов [Никифоров, 2012, с. 56–57].

Я совершенно согласен с посылками этого рассуждения и даже с тем, что из них можно сделать такой вывод. Можно обнаружить свойство, стабильно присущее единичной вещи на протяжении всего ее существования, и назначить его сущностью этой вещи, но люди, называющие эту вещь определенным именем, могут идентифицировать ее по другим признакам, и их использование данного имени можно, таким образом, считать зависимым больше от их индивидуальных представлений о предмете, чем от наличия у него определенной сущности.

Вообще выведение обычных собственных имен из категории подлинных единичных терминов – хорошо известная стратегия в рамках логического анализа языка. Так поступил Б. Рассел, трактуя собственные имена естественных языков как скрытые определенные дескрипции; при этом он не отрицает существования подлинных собственных имен, денотатами которых являются подлинно единичные вещи

(конкретные ощущения, а также свойства и отношения) [Russel, 1912, p. 54]. В теоретико-модельной семантике существуют альтернативные модели языков, в которых собственным именам присваиваются денотаты не из домена единичных вещей или не только из него. Так, модель может предполагать, что собственные имена обозначают стадии обычных единичных вещей, их временные срезы или что-то подобное или – в другой версии – что они в некоторых позициях (определяемых синтаксисом предложения) обозначают обычные вещи, а в некоторых – стадии или т. п. [Carlson, 1977]. В формальной семантике была разработана концепция обобщенных кванторов, трактующая все именные группы, включая те, что состоят из собственных имен, как имеющие своими денотатами множества свойств, которые также трактуются как множества (их носителей) [Montague, 1974b; Barwise, Cooper, 1981]¹².

Но стандартная семантика обычных собственных имен – не чисто теоретический монстр. Она отражает глубоко укорененную практику понимания роли этих выражений в коммуникации. К тому же предпочтение альтернативной семантики собственных имен не решает проблему приписывания им референций.

2.1.

В известном смысле обычные единичные вещи абстрактны, поскольку отвлекаются от множества более конкретных ощущений, взаимодействий и иных событий и, возможно, состояний. Результат каждого такого события или совместного появления множества событий, можно описывать как появление нового свойства; и в этом отношении любую вещь можно представить и как множество свойств. И поскольку нормальный субъект, именуемый такую вещь ее именем, может быть тем или иным способом знаком только с частью событий, свойств или иных ее составляющих, его использование данного имени для указания на данную вещь всегда можно понимать как референциально неоднозначное, так как всегда может обнаружиться какая-то другая вещь, не тождественная данной и состоящая из тех же частей, которые представляют собой данную субъекту часть данной вещи.

¹² Эти семантики не устраняют категорию собственных имен: например, в семантике Монтегю в представлении значений обычных собственных имен участвуют константные имена индивидов, которые, однако, являются терминами метаязыка семантики, а не какого-либо естественного объектного языка. Существуют попытки более радикальной редукции собственных имен: например, есть предложение трактовать их все как обычные предикаты [Burge, 1973]. Правда, как замечают критики [Katz, 1994, p. 14], примеры, выбираемые как свидетельства в пользу такого подхода, в лучшем случае показывают, что собственные имена содержат общие термины, но не что они тождественны предикатам.

Однако это еще не делает собственные имена предикатами. У предикатов своя функция в языке – приписывать свойства. В некоторых контекстах собственные имена, очевидно, играют роль предикатов: например, при определенном прочтении предложение «Я хотел бы быть как Аристотель» говорит, что говорящий хотел бы иметь все существенные свойства Аристотеля¹³. Но во многих других контекстах собственные имена используются явно с другим значением, а именно для указания на единичный объект, не сводимый к совокупности частей, из которых он состоит, или свойств, носителем которых является. Именно в таком значении «Аристотель» используется в предложении, например, «Аристотель является уникальным носителем всех своих существенных свойств». Если бы это было не так и «Аристотель» и в этом случае обозначало бы множество свойств или событий, предложение имело бы совсем другое содержание, а именно – что множество свойств (событий) является уникальным носителем всех своих существенных свойств.

Есть и другие лингвистические феномены, показывающие, что замена стандартного денотата собственного имени на альтернативный делает из осмысленного истинного высказывания ложное или, по меньшей мере, странное. Например, если субъект говорит о недавно нареченном именем «Петя» младенце, что он (этот самый Петя) прекрасно развивается, но «Петя» в его лексиконе обозначает только то состояние данного Пети, которое характеризовало его на момент наречения, то он, таким образом, высказывает нечто ложное, даже если малыш Петя действительно прекрасно развивается. Коль скоро развитие есть смена состояний, состояние объекта не может развиваться. Если «Петя сейчас курит» говорит лишь о явлении говорящему конкретного Пети в момент, предшествующий высказыванию или совпадающий с ним, то высказывание оказывается ложным или, по меньшей мере, странным, так как явления или временные срезы индивидов не принадлежат к сущностям, которые могут обладать волей что-то делать. Срез индивида не принимает решений, не совершает поступков, не имеет убеждений и т. п.; в лучшем случае он может совпадать с тем или иным ментальным состоянием индивида, но не быть самостоятельным актором. Концепт Пети для его мамы не может сделать ничего, что противоречит этому концепту; но Петя может. Таким образом, говоря о конкретном Пете, субъект практически никогда не смог бы высказать ничего из того, что он хотел бы высказать, если бы имя «Петя» в его использовании обозначало только временной срез или определенное состояние (равно как и совокупность свойств) конкретного Пети.

¹³ Хотя, разумеется, он может иметь в виду и что он хотел бы иметь ум Аристотеля, прожить его жизнь, иметь его славу или что-то иное, более частное, чем все существенные свойства.

Возможно, сами эти феномены коренятся в привычке понимать денотаты собственных имен определенным образом, отражаемым их стандартной семантикой. Но, как бы там ни было, наша обычная презумпция относительно вещей, выбираемых на роль денотатов единичных терминов, состоит в том, что они остаются едиными, по крайней мере, на протяжении всего конкретного разговора, в котором о них идет речь, несмотря на изменения, которые с ними могут в это время происходить; и более того, говоря об изменениях этих сущностей, мы обычно подразумеваем, что есть нечто единое, с чем происходят изменения. Это связано с тем, что использование имен обычно проективно: называя вещь каким-то именем, мы исходим из того, что это имя будет применимо к этой вещи и в будущем. Называя младенца Петей, например, участники этого мероприятия предполагают, что он будет расти и меняться, оставаясь тем же самым Петей. Эта установка не зависит от наличия существенных свойств вещей, о которых мы говорим. И аналогично, стандартное использование и понимание собственного имени приписывает ему денотат, выходящий за временные рамки конкретной коммуникативной ситуации.

2.2.

Еще один известный механизм закрепления имен за предметами – исторический: в этом случае предполагается, что имя, будучи каким-то образом присвоено предмету в специфической ситуации наречения, сохраняет семантическую связь с ним за счет того, что какие-то последующие использования этого имени являются каузальными следствиями его специфического использования в соответствующей ситуации наречения, представляют собой звенья в единой цепи коммуникации, что обеспечивается намерением пользователей имени использовать его с тем же значением, с каким его используют те, у кого они научились его правильно использовать [Kripke, 1980, p. 91–97]. Какие-то люди когда-то закрепили за мальчиком имя «Аристотель», потом этот мальчик вырос и стал философом, совершил дела, которые прославили его в истории. Он известен людям, которые не знали его лично, по этим делам, но они могут указывать на него с помощью имени «Аристотель» не из-за того, что они о нем знают, а потому что их использование этого имени производно от его использования теми людьми, которые некогда нарекли конкретного человека этим именем, потому что есть непрерывная цепь коммуникативных интеракций, связывающая современное использование этого имени с его первоначальным использованием и с определенной ситуацией наречения объекта этим именем.

Но это не объясняет, как именно имя закрепляется за тем, что считается его стандартным денотатом, вследствие выполнения каких-то действий, идентифицируемых как наречение, присвоение имени и т. п., в отношении объекта или объектов, которые лишь отчасти совпадают с указанным денотатом¹⁴. Поскольку внешний вид действия, состоящего из, например, публичного указания пальцем на объект, сопровождаемого высказыванием «Сим нарекается сей предмет N», не позволяет сказать о нем, выполняет оно именующую функцию или нет, судить об этом можно лишь на основании данных о том, закрепилось имя N за соответствующим предметом или нет. Но для этого нужно иметь надежные свидетельства о том, что коллективное использование N таково, что связывает соответствующие появления N отношением референции с соответствующим предметом. Между тем в лучшем случае мы знаем, какие вещи должны быть референтами N в тех или иных контекстах, если наша теория, приписывающая N значение, верна. Да и то, сами по себе такие данные не могли бы однозначно свидетельствовать, что именно данный акт стал причиной их появления, если не исключена вероятность их появления в силу действия какой-то другой причины. Как правило, достаточных оснований для этого нет.

Так же непонятно, как из того, что некое конкретное высказывание имени является следствием какого-то его предшествующего использования, следует его использование с той же референцией. Иметь намерение использовать его так же, как это делают другие, недостаточно, так как что-то должно обеспечивать выполнение этой интенции; но выполнить ее как раз и значит использовать имя с соответствующим значением. Даже если есть возможность установить факт кореференциальности двух разделенных временем высказываний одного и того же имени (что тоже сомнительно, особенно для высказываний, разделенных эпохами и культурами), из него еще не следует, что референция второго по времени использования имени была позаимствована у первого и что, соответственно, оно продолжает некую непрерывную цепь коммуникаций, восходящую к конкретной ситуации наречения или чему-то подобному. Чтобы одно появление выражения заимствовало референцию у другого, референция первого должна определяться референцией второго, а не быть случайно такой же, как у него. Но для этого данные использования имени уже должны быть связаны какой-то семантической закономерностью.

Если даже референция имени заимствована из какого-то прошлого его употребления, что гарантирует, что исторически это заимствование восходит к ситуации наречения именно предполагаемого

¹⁴ Понятно, что младенец, нарекаемый определенным именем, в лучшем случае представляет определенное состояние индивида, который впоследствии будет этим именем называться.

денотата данного имени, а не к какой-то иной? Наши современные разговоры об Аристотеле могут не восходить к разговорам об Аристотеле его современников. У нас нет способа отследить связи такого рода. В лучшем случае мы можем утверждать, что наши обычные разговоры об Аристотеле берут свое начало из некоего единого связного набора представлений об истории Европейской цивилизации или чего-то подобного. Но в таком случае «Аристотель» будет скорее всего обозначать нечто абстрактное – объект, являющийся частью наших представлений о прошлом, а не нечто, являющееся частью самого этого прошлого. Пусть любой индивид в определенном смысле абстрактен: это не повод смешивать реальность с ее представлением¹⁵.

2.3.

Введение альтернативной семантики не решает, а скорее заостряет проблему значения собственных имен. Если понять значение собственного имени – значит понять его референцию и практически в любом контексте¹⁶ доступно более одного понимания того, что представляет собой денотат данного имени – единичная это вещь, комплекс свойств, множество состояний, абстракция иного рода или что-то еще – это делает любой контекст референциально неоднозначным. У нас нет надежного, теоретически непредвзятого способа назначить собственному имени единственный денотат в каком-либо контексте.

«Петя», нацеленное говорящим указывать на определенного индивида, может выделять ту совокупность его частей, которая представляет данного Петю для говорящего, или ту, которая представляет его для интерпретатора, или же ту, которая была исторически связана с началом применения данного имени к данному индивиду, или какую-то иную, а также – сущность данного Пети, его Платоновскую идею, его Я, всю совокупность его социальных характеристик и т. д. Чтобы приписать данному появлению данного имени четкую референцию к единственному объекту, необходимо исключить альтернативные гипотезы. Очевидный способ решить эту задачу – установить, какой предмет является носителем данного имени в данном его использовании объективно.

Но доступны ли нам данные, опираясь на которые можно было бы решить подобную задачу? Доступно ли нам адекватное объяснение того, как именно объекты закрепляются за именами, становясь их

¹⁵ Подробнее о каузальной теории референции см. в: [Donnellan, 1972; Putnam, 1973; Evans, 1985; Devitt, Sterelny, 1999]. Однако проблемы, на которые здесь указано, представляются мне общими для разных версий этой теории.

¹⁶ Не только в таком эксплицитно многозначном, как ситуация, в которой кто-то обращается посредством произнесения имени «Петя» к кому-то из присутствующих, нескольких из которых зовут этим именем.

выделенными носителями для множеств коммуникаторов, разделенных порой эпохами и культурами? Это сомнительно, и в этом состоит другая сторона проблемы семантики собственных имен.

Если иметь референцию для имени – значит стабильно выделять определенный предмет и только его для компетентных пользователей соответствующего языка в разных ситуациях, то выполнение этого условия должно обеспечиваться каким-то механизмом закрепления имен или способов их использования за предметами. Но у нас нет данных, посредством которых можно было бы удостовериться, что имя закреплено именно за конкретным индивидом, например, а не за каким-то комплексом элементов, составляющих этого индивида или связывающих его с чем-то еще (чьим-то сознанием, обществом или т. п.). Смыслы, как уже было показано, не могут обеспечить решение этой задачи¹⁷.

Потенциал семантической теории в объяснении феноменов понимания значений собственных имен, понятых как их референции, и появления у них значений этого вида, разумеется, далеко не исчерпан. Но есть подозрение, что эти две стороны проблемы референции собственных имен делают их стандартную семантику, т. е. ту, которая приписывает им референции, по-настоящему проблематичной. Однако эта проблема не сводится к несоответствиям между модельными денотатами собственных имен и реальными вещами, для разговоров о которых эти имена стандартно используются.

Список литературы

Никифоров, 2012 – *Никифоров А.Л.* Онтологический статус имен собственных // *Epistemology and philosophy of science / Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. XXXII. № 2. С. 50–58.

Фреге, 1997 – *Фреге Г.* Смысл и значение // *Фреге Г. Избр. работы / Пер. с нем.* М.: ДИК, 1997. 160 с.

Barwise, Cooper, 1981 – *Barwise J., Cooper R.* Generalized Quantifiers and Natural Language // *Linguistics and Philosophy*. 1981. Vol. 4. No. 2. P. 159–219.

Burge, 1973- *Burge T.* Reference and Proper Names // *Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 7. P. 425–439.

Caffi, 1997 – *Caffi C.* Pragmatic Presupposition. // *Concise Encyclopedia of Philosophy of Language / Ed. by P.V. Lamarque.* University of Hull: Pergamon, 1997. P. 437–445.

Carlson, 1977 – *Carlson G.N.* Reference to Kinds in English: doctoral dissertation. Amherst: University of Massachusetts, 1977. 253 p.

¹⁷ Разумеется, есть и другие теории закрепления имен за предметами, но все они сталкиваются с общей проблемой: мы не можем наблюдать такие результаты, как указание на определенный объект, и, следовательно, не можем удостовериться, что какие-то описываемые теорией механизмы работают в смысле стабильного обеспечения таких результатов (ср. в этой связи описание У. Куайном проблемы радикального перевода в: [Quine, 1960]).

Devitt, Sterelny, 1999 – *Devitt M., Sterelny K.* Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language. Blackwell, 1999. 332 p.

Donnellan, 1972 – *Donnellan K.S.* Proper Names and Identifying Descriptions // *The Semantics of Natural Language* / Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972. 293 p.

Evans, 1985 – *Evans G.* The Causal Theory of Names // *Evans G. Collected Papers* / Ed. by A. Phillips. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 1–24.

Geurtz, 1997- *Geurtz B.* Good News about the Description Theory of Names // *Journal of Semantics*. 1997. Vol. 14. P. 319–348.

Kaplan, 1989 – *Kaplan D.* Demonstratives // *Themes from Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford University Press, Oxford, 1989. 653 p.

Katz, 1990 – *Katz J.J.* Has the Description Theory of Names been Refuted? // *Meaning and Method* / Ed. by G. Boolos. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 31–61.

Katz, 1994 – *Katz J.J.* Names Without Bearers // *The Philosophical Review*. 1994. Vol. 103. No. 1. P. 1–39.

Kripke, 1980 – *Kripke S.A.* Naming and Necessity. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1980. 475 p.

Meier, 2009 – *Meier E.* Proper Names and Indexicals Trigger Rigid Presuppositions // *Journal of Semantics*. 2009. Vol. 26. P. 418–432.

Mill, 1867 – *Mill J.S.* A System of Logic. L.: Longmans, 1867. 525 p.

Montague, 1974a – *Montague R.* English as a Formal Language // *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague* / Ed. by Richmond H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 188–221.

Montague, 1974b – *Montague R.* The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague* / Ed. by Richmond H. Thomason. New Haven: Yale University Press, 1974. P. 247–270.

Morris, 1938 – *Morris C.H.* Foundations of the Theory of Signs // *Foundations of the Unity of Science Towards an International Encyclopedia of Unified Science* / Ed. by J. Neurath, R. Carnap, C. Morris. Vol. 1. No. 2. Chicago (IL): University of Chicago Press, 1969. 59 p.

Putnam, 1973 – *Putnam H.* Meaning and Reference // *The Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. No. 19. P. 669–711.

Putnam, 1975 – *Putnam H.* Mind, Language and Reality: Philosophical Papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. Vol. 2. P. 196–290.

Quine, 1960 – *Quine W.V.O.* Word and Object. Harvard University Press, 1960. 634 p.

Russel, 1912 – *Russell B.A.W.* The Problems of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1974. 59 p.

Russel, 1918 – *Russell B.* The Philosophy of Logical Atomism // *Russell B.A.W. The Collected Papers of Bertrand Russell*. The McMaster University Edition. Vol. 8. P. 160–244.

Strawson, 1959 – *Strawson P.* Individuals: An Essay on Descriptive Metaphysics. L.: Methuen & Co., 1959. 255 p.

Van der Sandt, 1992 – *Van der Sandt R.* Presupposition projection as anaphora resolution // *Journal of Semantics*. 1992. Vol. 9. P. 333–377.

References

- Barwise J., Cooper R. Generalized Quantifiers and Natural Language. *Linguistics and Philosophy*, 1981, vol. 4, no. 2, pp. 159–219.
- Burge T. Reference and Proper Names. *Journal of Philosophy*, 1973, vol. 7, pp. 425–439.
- Caffi C. Pragmatic Presupposition. In: Lamarque P.V. (ed.) *Concise Encyclopedia of Philosophy of Language*. Pergamon: University of Hull, 1997, pp. 437–445.
- Carlson G.N. *Reference to Kinds in English: doctoral dissertation*. Amherst: University of Massachusetts, 1977. 253 p.
- Devitt M., Sterelny K. *Language and Reality. An Introduction to the Philosophy of Language*. Blackwell, 1999. 332 p.
- Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions. In: Davidson D., Harman G. (eds.) *The Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Reidel, 1972. 293 p.
- Evans G. The Causal Theory of Names. In: Evans G. *Collected Papers*. Oxford: Clarendon Press, 1985, pp.1–24.
- Frege G. Smysl i значение [Sense and meaning]. In: *Frege G. Izbrannyye raboty* [Selected works]. Moscow: DIK Publ., 1997. 160 p. (In Russian)
- Geurtz B. Good News about the Description Theory of Names. *Journal of Semantics*, 1997, vol. 14, pp. 319–348.
- Kaplan D. Demonstratives. In: Almog J., Perry J., Wettstein H. (eds.) *Themes from Kaplan*. Oxford University Press, Oxford, 1989. 653 p.
- Katz J.J. Has the Description Theory of Names been Refuted? In: Boolos G. (ed.) *Meaning and Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990, pp. 31–61.
- Katz J.J. Names Without Bearers. *The Philosophical Review*, vol. 103, no. 1, 1994, pp. 1–39.
- Kripke S.A. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 475 p.
- Meier E. Proper Names and Indexicals Trigger Rigid Presuppositions. *Journal of Semantics*, 2009, vol. 26, pp. 418–432.
- Mill J.S. *A System of Logic*. London: Longmans, 1867. 525 p.
- Montague R. English as a Formal Language. In: *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press, 1974, pp.188–221.
- Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English. In: *Formal Philosophy. Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press, 1974, pp. 247–270.
- Morris C.H. Foundations of the Theory of Signs. In: Neurath O., Carnap R., Morris C. (eds.) *Foundations of the Unity of Science Towards an International Encyclopedia of Unified Science*, vol. 1, no. 2. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 59 p.
- Nikiforov A.L. Ontologicheskii status imen sobstvennykh [Ontological status of proper names]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2012, vol. 32, no. 2, pp. 50–58. (In Russian)
- Putnam H. Meaning and Reference. *The Journal of Philosophy*, vol. 70, no.19, 1973, pp. 669–711.

Putnam H. *Mind, Language and Reality: Philosophical Papers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975, vol. 2, pp. 196–290.

Quine W.V.O. *Word and Object*. Harvard University Press, 1960. 634 p.

Russell B. The Philosophy of Logical Atomism. *The Collected Papers of Bertrand Russell*. McMaster University Edition, vol. 8, pp. 160–244.

Russell B. *The Problems of Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1974. 59 p.

Strawson P. *Individuals: An Essay on Descriptive Metaphysics*. London: Methuen & Co., 1959. 255 p.

Van der Sandt R. Presupposition projection as anaphora resolution. *Journal of Semantics*, 1992, vol. 9, pp. 333–377.